

СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ВИДОВОЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ: ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ

Иногда полезно не знать, что сделано до тебя, чтобы не сбиться на проторенный путь, ведущий в тупик.

Академик А. М. Будкер

В русистике — и традиционно, и в самых последних работах — изучается вопрос о семантическом содержании видового противопоставления глаголов (из относительно новых работ см.: [Гловинская, 1982; Новое в зарубежной лингвистике, 1985, с. 227—285]). Иными словами, вопрос ставится так: 1) дана видовая характеристика глагола, требуется определить его семантическую характеристику, либо 2) дано видовое противопоставление пары глаголов, требуется определить их семантическое различие. Не стану перечислять тех разнообразных достижений (и трудностей), которые открылись именно при таком взгляде на предмет. Остановлюсь подробно лишь на самой постановке вопроса.

1. Каким образом можно определить видовую принадлежность глагола?

Правила определения видовой принадлежности глагола, доступные для носителя русского языка, хорошо известны. Однако не менее хорошо известно, что человек, для которого русский язык неродной, не знает, можно ли по-русски сказать *яичну читать* или *яичну прочитать*. Как и не знает, настоящее или будущее действие обозначают глаголы *читаю* и *прочитаю*. Следовательно, пытаюсь определить видовую принадлежность глагола, человек, для которого русский язык неродной, должен либо опираться на какие-то внешние особенности глагола, либо отыскивать соответствующую характеристику в своей памяти или в словаре. В этом отношении вид принципиально не похож на такие грамматические категории имен существительных, как число и падеж, или на такие грамматические категории личных форм глаголов, как наклонение, время и лицо. (Ведь там сама флексия с учетом омонимии и синонимии уже определяет грамматическую характеристику слова.)

Определение видовой принадлежности глагола человеком, для которого русский язык — неродной, принципиально напоминает определение им родовой принадлежности существительного. Ведь и в том, и в другом случае имеются такие внешние признаки слова, которые

однозначно определяют его грамматическую характеристику (показатель *-ыва* перед окончанием в глаголе всегда предопределяет несовершенный вид, *-о* или *-е* в исходе словарной формы имен существительных всегда предопределяет средний род и т. п.). Но есть и такие случаи, когда имеющиеся внешние признаки слова никак не позволяют определить его грамматическую характеристику (*-ить* в исходе словарных форм бесприставочных глаголов или *-ь* в исходе словарной формы существительного и т. п.). В случаях последнего типа вид глагола (как и род существительного!) нельзя определить, пользуясь каким-либо правилом, простым или сложным, но следует просто запоминать либо найти в словаре.

2. Зачем нужно знать видовую принадлежность встретившегося в тексте глагола?

Допустим, что видовая принадлежность глагола определена, и зададимся вопросом о ценности полученной нами информации. Осмелюсь утверждать, что для человека, владеющего русским языком как родным, ценность эта практически равна нулю. Точно так же, как ценность сведений о том, что он говорит прсзой, — для господина Журдена. Несколькo в ином положении находится человек, для которого русский язык — неродной, или, напр., анализирующее русский текст автоматическое устройство. В этих случаях знание видовой принадлежности глаголов позволяет различать омонимичные формы настоящего (у глаголов несовершенного вида) и будущего времени (у глаголов совершенного вида). Однако во всех других случаях знание о видовой принадлежности глагола само по себе еще совершенно недостаточно для правильного понимания того, какое же семантическое содержание стоит за соответствующим глаголом. На преодоление этой трудности, на выяснение того семантического содержания, которое скрыто за видовой характеристикой, и направлены усилия русистов [Грамматика, 1980, с. 605—613; Рассудова, 1982 и др.].

Вопрос стоит таким же образом, как и при определении семантического содержания числа или падежа существительных, наклонения или времени глаголов. Но ведь в этих последних случаях грамматические характеристики лежат на поверхности, а в случае с видом саму грамматическую характеристику с трудом удается определить. Более того. За граммемами единственного числа или дательного падежа существительных, прошедшего времени или повелительного наклонения глаголов кроется весьма ограниченный круг значений, более или менее ясно определяемых по свойствам внутреннего и внешнего контекста. Не то с видом. Как показывают многочисленнейшие исследования, ставящие вопрос о семантическом содержании видового признака, такое содержание и исключительно многообразно, и крайне трудно выводимо из разнообразного контекстуального окружения. Иными словами знание видовой принадлежности дает очень мало для определения семантической характеристики глагола. Напомним, что и сама информация о видовой принадлежности (за исключением носителей языка) также может быть получена с большими трудностями.

И вновь напрашивается аналогия с родом имен существительных. Ведь определение родовой принадлежности существительного очень мало дает для определения семантических признаков этого существительного. Все его семантические признаки должны быть явно включены в словарное толкование, присутствовать в памяти людей (или машин), пользующихся языком. А сведения о родовой принадлежности ни в коей мере не могут быть тем источником, из которого выводятся семантические характеристики, не страженные в лексическом значении существительного. Еще раз подчеркну иное положение словоизменительных характеристик, таких, как число или падеж существительных, время или наклонение глаголов, которые всегда несут содержание, отсутствующее в лексическом значении соответствующих слов.

3. Видовая принадлежность глагола в процессе активных речевых действий.

Иначе выглядит ценность сведений о видовой принадлежности глагола для активных речевых действий. Будем предполагать, что, строя текст, мы желаем отразить в языке определенное „положение дел“, а не просто построить грамматически правильное предложение, лишенное связи с объективной действительностью. При таком предположении у создателя текста присутствует намерение выразить определенное содержание, а не употребить глагол совершенного или несовершенного вида. (Хотя именно последняя формулировка часто фигурирует в различного рода практических пособиях, предназначенных для изучения видов русского глагола теми, для кого русский язык неродной.) Желая обозначить результативное, однократное, интенсивное или, скажем, начинательное действие, говорящий или пишущий заведомо выберет для этого глаголы совершенного вида.

А выбор этот потребует учета тех обстоятельств, что у глаголов совершенного вида отсутствуют формы настоящего времени (см. выше о различении совершенного и несовершенного вида по значению форм прошедшего времени), а также имеются последовательные ограничения в лексической сочетаемости (см. выше о различении совершенного и несовершенного вида по возможности сочетаемости инфинитива с формой начну). Следовательно, желая, напр., обозначить повторяющееся результативное действие, мы не можем употребить словосочетание регулярно построить или систематически написать. Можно утверждать, что, выбирая для обозначения действия глаголы, которые принадлежат к несовершенному виду, мы можем смело соединять в предложении эти глаголы с другими словами, заботясь лишь о точном соответствии значений слов нашему замыслу. Выбирая же для обозначения действий глаголы совершенного вида, мы должны помнить и о тех особенностях глаголов совершенного вида, которые ограничивают их парадигму и сочетаемость. И эта ситуация не является уникальной в принципе.

Допустим, что нам нужно обозначить пол живого существа. Для существительных общего рода это можно сделать, используя формы

мужского или женского рода согласованных прилагательных или причастий: ужасный невежа и ужасная невежа. (Ср. свободную сочетаемость глаголов несовершенного вида с наречиями.) Для существительных не общего рода, обозначающих живых существ типа муравей, акула, воспользоваться таким простым способом обозначения пола нельзя. (Ср. ограниченную сочетаемость глаголов совершенного вида с наречиями.) Однако это не значит, что пол живых существ, обозначаемых существительными не общего рода, вообще не может быть выражен: муравей — муравыиха, акула — самец акулы и т. п.

4. Как можно узнать семантическое содержание собственно видового противопоставления?

Вновь вернемся к традиционной в русистике постановке вопроса о семантическом содержании уже не видовой характеристики отдельного глагола, но видового противопоставления двух глаголов. Иными словами, вопрос стоит так: даны два глагола, один совершенного, а другой несовершенного вида, требуется определить семантическое различие между этими глаголами. Разумеется, оба данных глагола должны быть и формально и семантически достаточно близкими: между читать и выспаться множество содержательных различий, никак не связанных с тем, что первый глагол несовершенного вида, а второй — совершенного. Однако вопрос о том, какое именно содержательное различие связано с видовым, а какое выходит за пределы видового, до сих пор остается нерешенным в науке.

Вновь обращаясь к нему, необходимо отметить, что сама его постановка связана с изучением не синтагматических, а парадигматических отношений между словами в языке [Шмелев, 1977; Денисов, 1980; Кузнецова, 1981].

В самом деле, отвага значит не совсем то же самое, что геройство, герльский — не совсем то же, что храбрый, делать — не то, что сделать. Однако все эти различия связаны с лексическими значениями соответствующих пар слов и не выступают как следствие различий в родовой принадлежности слов отвага и геройство или в наличии/отсутствии простой сравнительной степени у слов геройский и храбрый.

Существуют семантически противопоставленные пары глаголов, принадлежащих к одному и тому же виду: сушить и сохнуть, писать и пописывать, ругать и ругаться и мн. др. Однако главный вопрос не в этом. Если задача состоит в том, чтобы из различия в видовой принадлежности вывести семантические различия, то по каким основаниям объединяются в видовые пары глаголы, семантическое различие между которыми следует определить?

Если бы различия между глаголами совершенного и несовершенного вида более или менее последовательно выражались формально, то постановка вопроса о семантическом содержании такого противопоставления была бы оправдана. Но ведь известно, что формальная характеристика видовой принадлежности совсем не всегда представлена в глаголе. Глаголы купить и любить оформлены совершенно одинаково,

но принадлежат к разным видам. Глаголы объединяются исследователями в видовые пары по, пусть и не всегда ясным, но семантическим основаниям.

Считается, что *строить — построить, навещать — навестить* — это бесспорные пары, *толкать — толкнуть, свистеть — свистнуть* — это пары под вопросом, а *писать — переписать, кричать — закричать, говорить — поговорить* — это не пары.

Но ведь в таком случае следует говорить не о семантическом содержании видового противопоставления, а о том семантическом содержании, которое служит основанием для объединения глаголов в пары.

Различия в видовой принадлежности глаголов выступают не как формальное различие между глаголами и не как причина семантических различий между глаголами. Наоборот, различия в видовой принадлежности являются следствием семантических различий между глаголами. В самом деле, близкие по значению слова, связанные отношениями модификационной деривации, нередко различаются еще и парадигматическими, и согласовательными признаками [Dokulil, 1962]. Так, напр., превосходная степень прилагательных не имеет кратких форм в отличие от тех „обычных“ прилагательных, от которых она образована. Но ведь это обстоятельство лишь следствие семантических различий между „обычной“ и превосходной степенью, а не причина этих различий. И было бы странно пытаться определить семантическое содержание, стоящее за противопоставлением прилагательных с краткими и полными формами и прилагательных только с полными формами.

Названия детенышей, образованные от существительных, обозначающих животных, с помощью суффикса *-енок (-енок)*, всегда принадлежат к мужскому роду, независимо от рода производящего: *морж — морженок, но галка — галчонок, белка — белчонок, мышь — мышонок*. Однако различия в родовой характеристике существительных не выступают основанием семантических различий между ними, но являются как бы спутником, тенью этих семантических различий. И было бы странно ставить вопрос о семантическом содержании, стоящем за различием в родовой принадлежности существительных. Впрочем, в истории науки вопрос о семантике родовой принадлежности существительных неоднократно обсуждался, что не приводило ни к каким серьезным научным результатам до тех пор, пока не было осознано, что родовая принадлежность существительных и их семантическая характеристика лежат в совсем разных, лишь частично соприкасающихся плоскостях [Виноградов, 1972, с. 56–78; Потебня, 1899; Зализняк, 1967, с. 62–80].

Таким образом, вопрос о семантическом содержании видового противопоставления, явно переходящий в категорию „вечных вопросов“ русистики, становится таковым в силу того, что он некорректно поставлен. Нельзя говорить о семантическом содержании такого противопоставления, которое четко не маркировано формально и исходно

является семантическим, хотя и неясно определенным. Иными словами, нельзя определять семантическое содержание неясно определенного семантического противопоставления. Думается, что вопрос следует ставить по-другому. Необходимо рассмотреть все семантические различия, которые существуют в пределах модификационной внутриглагольной деривации, и определить, какие из них сопровождаются изменениями в видовой принадлежности, а какие – нет [Тихонов, 1985]. В таком случае парадигматические отношения между близкими по значению глаголами будут выясняться на основе семантики, а не на основе грамматических характеристик глаголов. Этот подход будет полностью соответствовать тому положению, которое существует в русистике при изучении полей и лексико-семантических групп слов.

5. Что требуется для непротиворечивой теории и для общественной практики?

Итак, представление глагольной системы русского языка с опорой на категорию вида принципиально не может дать ответов на вопросы, выдвигаемые и теорией, и практикой. Фундаментом такого описания, ориентированного на теоретическую последовательность и практическую ценность, может быть только семантическое содержание.

Для лексикографии это означает, во-первых, что в словарных толкованиях всех русских глаголов должны выделяться, по крайней мере, две зоны. В первой должны быть представлены все семантические характеристики соответствующего глагола (разумеется, с учетом уже имеющихся достижений в изучении способов глагольного действия [Шелякин, 1983; Грамматика, 1980, с. 596–604 и др.]), а во второй – указываться, к какому виду принадлежит глагол. Продолжая тему о представлении семантических модификаций глагольного действия в словаре, остановлюсь еще на целесообразности создания словаря внутриглагольных модификационных дериватов на идеографической основе [Бальвег-Шрамм, Шумахер, 1983, с. 201–226]. Такой словарь будет представлять собой матрицу, строки которой будут составлять производящие глаголы (точнее лексико-семантические варианты глаголов), а столбцы – определенные типы семантической модификации, такой, напр., как результативность, однократность, повторяемость, начинательность и т. п. Пересечения строк со столбцами будут заполнены теми глагольными дериватами, которые выражают именно данное действие именно с данной модификацией. Разумеется, все эти модификационные дериваты должны снабжаться пометами, характеризующими видовую принадлежность соответствующего глагольного деривата.

Для грамматики, во-первых, продолжает оставаться актуальным выявление тех формальных признаков глагольного слова, которые позволяют однозначно определить его видовую принадлежность. Во-вторых, особую ценность приобретает определение тех случаев и правил сложения смыслов, когда происходит появление новых смыслов [Щерба, 1965; Виноградов, 1969]. Остановлюсь на этом вопросе по-

дробнее. Хотя рецептивной грамматикой русского языка уже накоплено немало ценных наблюдений такого типа [из последних работ см.: Падучева, 1986], принципиально неверно говорить о сложении значений лексем, значений граммем и сведений, относящихся к ситуации общения, с видом. Последнее слагаемое, по-моему, находится не в одном ряду с тремя первыми. Для того, чтобы избежать этой логической бессмысленности, необходимо представлять связанную с видом и релевантную для каждого случая семантику именно в виде значения лексем, а не выносить ее оттуда, представляя в абсолютно семантически неясной форме. В-третьих, для русской грамматики, ориентированной на продуктивные виды речевой деятельности, необходимо определение типов преодоления тех трудностей, какие возникают в силу парадигматической и синтагматической ограниченности глаголов совершенного вида. Напр., необходимо знать, как следует обозначать регулярное резульативное действие, если известно, что обозначающие резульативные действия глаголы совершенного вида не сочетаются с наречиями и наречными выражениями, имеющими значение регулярной повторяемости.

SEMANTIC AND ASPECTUAL OPPOSITION OF VERBS: CAUSE AND EFFECT

I. MILOSLAVSKY

Summary

The article deals with a still unsolved problem in linguistics concerning the correlation of semantic and aspectual properties of the verbs. A broad analogy with other grammatical categories is drawn, and it is claimed that theoretical and lexicographical description of the Russian verb system should be based on the semantic but not on the grammatical characteristics of the verb.

ЛИТЕРАТУРА

- Бальвег-Шрам, Шумахер, 1983 — Бальвег-Шрам А., Шумахер Г. Словарь глагольных валентностей на семантической основе // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983.
- Виноградов, 1969 — Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке. М., 1969.
- Виноградов, 1972 — Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.
- Гловинская, 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Грамматика, 1980 — Русская грамматика. М., 1980.
- Денисов, 1980 — Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
- Зализняк, 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Кузнецова, 1981 — Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1981.
- Новое в зарубежной лингвистике, 1985 — Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985.

Падучева, 1986 — П а д у ч е в а Е. В. Семантика вида и точка отсчета (в поисках инварианта видового значения) // Изв. АН СССР СЛЯ. 1986. № 5.

Потебня, 1899 — П о т е б н я А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1899. Т. 3. Гл. „Грамматический род“.

Рассудова, 1982 — Р а с с у д о в а О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.

Тихонов, 1985 — Т и х о н о в А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.

Шелякин, 1983 — Ш е л я к и н М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.

Шмелев, 1977 — Ш м е л е в Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Щерба, 1965 — Щ е р б а Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2.

Dokulil, 1962 — D o k u l i l M. Tvořeni slov v češtině. Praha, 1962. T. 1.

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Январь 1987

Кафедра русского языка